

Genius loci и проблематизация места человека в современных архитектурных теориях

Макарова Анна Константиновна

Студент (магистр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Философский факультет, Кафедра истории и теории мировой культуры, Москва, Россия

E-mail: anatelle.makar@gmail.com

Сегодня пространство скорее представляет собой процесс, чем вместилище, и этот процесс требует для себя иных практик восприятия и освоения. То, что называют «постмодернистским» пространством, тяготеет к усложнению и расчленению привычных планов, целенаправленно нарушая привычное и естественное для человека ощущение продолжительности и протяженности. Мы же не обладаем «чувственными механизмами, соответствующими этому новому гиперпространству застроенного окружения, заявляющему о себе как о тотальном пространстве, законченном мире, миниатюрном городе, обеспечивающем условия для нового способа объединения индивидуумов — гипертолпы» [Кук, 2002]. Эта вынужденная дезориентация есть метафора «неспособности наших умов в данный момент начертить план великой глобальной мультинациональной и децентрализованной коммуникационной сети, в которой мы пойманы как индивидуальные субъекты» [Кук, 2002].

Архитектура не репрезентирует больше человека, но становится само-репрезентирующим знаком. Возникает проблема, о которой пишет Жан Бодрийяр, описывая впечатления о нахождении в своеобразном отеле Бонавентура в Лос-Анджелесе: «...Коммуникативная ценность и изначальная задача включения архитектурных сооружений, пространства и зрителя в единое поле диалогичности принимает ретроспективную форму обращенности внутрь себя: всё сообщается, но так, что два взгляда никогда не пересекутся» [Бодрийяр, 2000. С.79]. Современные архитектурные группы, проекты (в том числе примечателен близкий идейно Archigram, хотя он и зародился в 1960-е гг.) нацелены на создание теоретических концептов вместо архитектуры присутствия (феноменологическая линия), или интегрирования языков. Так, Ч. Дженкс говорит о том, что «классический» язык архитектуры постмодернизма (противовес деконструктивистскому) направлен на возвращение эстетизированным или функционализированным формам архитектуры осмысленности в виде обращения к человеку как индивиду, т. е. то, что было уже начато «феноменологическим поворотом» в архитектуре. С одной стороны, мы имеем дело с бинарностью архитектурного знака, под которой имеется в виду способность архитектуры говорить как на народном - разговорном языке с его устойчивыми клише, так и на современном, интегрирующем неологизмы и изменения в сфере культуры и технологии. С другой, архитектура привыкла говорить на элитарном языке, тогда как у человека присутствуют оба этих кода, противоречащих друг другу и порождающих двойственность интерпретации восприятия. Преодолеть ее можно не унификацией языка, но кодированием на двух языках, т. е. через расширение профессионального, элитарного, современного языка за счет интеграции популярного кода, традиционных ценностей, местных особенностей, в совокупности представленных у норвежского теоретика архитектуры К. Норберг-Шульца как обращение к *genius loci*. «Во всяком случае, проектировщику следует, во-первых, изучить район, местный язык и понять его полностью, прежде чем начать проектировать. Язык может иметь этнические или культурные характеристики, связанные с характером обитателей, а также чисто архитектурные измерения - местные особенности» [Дженкс, 1985. С.131].

Деконструктивизм в архитектуре рассчитан на эффект трансформации традиционного пассивного характера восприятия за счет деформации архитектурного содержания, требующего в новом виде активной вовлеченности зрителя в создание образа. В то же время, концентрируясь на создании предельно нерепрезентативных и не антропоморфных форм, деконструктивистское архитектурное направление впадает в крайность ограниченного формализма и декоративизма, где символике формы придавалось бы большее значение, чем функциональной или экзистенциальной организации пространства. Получается, что возникшие изначально для противопоставления «пространству в себе» или «форме в себе» многообразия взаимодействий между человеком и пространством, постмодернизм и деконструктивизм только проблематизируют постановку вопроса, но не уходят от нее.

Проблема соединения органического и символического, корреляции авторского и рецептивного сегодня становится предметом преодоления уже в цифровой архитектуре, обращенной к средствам фрактальной геометрии, топологии и электронным технологиям с целью придания нового значения форме. Ее видоизменение направлено, в отличие от деконструктивизма, не на «провокацию» зрителя неконнотируемым замыслом архитектора, а на коренную трансформацию понимания возможностей нашего пространственного опыта.

Источники и литература

- 1) Бодрийяр Ж. Америка. СПб., 2000.
- 2) Ванеян С.С. Интенция, экзистенция и гений места. Метатеория архитектурного дискурса Христиана Норберга-Шульца. Искусствознание, №2. М., 2004.
- 3) Дженкс Ч. Язык архитектуры постмодернизма. М., 1985.
- 4) Дзеви Б. Уметь видеть архитектуру/ Мастера архитектуры об архитектуре. М., 1972.
- 5) Дэй К. Места, где обитает душа. М., 2000.
- 6) Добрицына И.А. От постмодернизма - к нелинейной архитектуре: Архитектура в контексте современной философии и науки. М., 2004.
- 7) Кук Ф. Модерн, постмодерн и город // Логос. №3-4, 2002.
- 8) Holl S., Pallasmaa J., Perez-Gomez A. Questions of perception. Phenomenology of architecture. Japan, 2008.
- 9) Norberg-Shulz C. Genius loci: Paysage. Ambiance. Architecture. Bruxelles, Liege., 1981.
- 10) Seamon David Phenomenology, Place, Environment, and Architecture: A Review: http://www.arch.ksu.edu/seamon/Seamon_reviewEAP.htm